

ДЕЛО СУХОВО-КОБЫЛИНА

...В одном из парижских ресторанов сидел молодой человек, богатый русский помещик А. В. Сухово-Кобылин, и допивал, быть может, не первую бутылку шампанского. Он был впервые в Париже, знакомых не имел и поэтому скучал. Неподалеку сидели две француженки: старуха и молодая, удивительной красоты, — по-видимому, родственницы. Молодому помещику пришла в голову мысль завязать знакомство. Он подошел с бокалом к соседнему столу, представился и сказал:

— Позвольте мне, чуже-

странцу, предложить гостя за французских женщин.

Гость был принят благосклонно. Разговорились. Молодая француженка жаловалась, что не может найти занятий.

— Приезжайте в Россию. Там вы найдете себе отличное место. Хотите, я дам вам рекомендацию. Я знаю в Петербурге лучшую портниху Андрие. У нее всегда шьет моя родня.

Сухово-Кобылин тут же написал рекомендательное письмо. На этом знакомство в Париже кончилось.

Прошел год. Однажды Сухово-Кобылин зашел в Петербурге к Андрие. Он уже

уходил из магазина, как вдруг к нему подошла очень красивая женщина. Лицо ее как будто было ему знакомо.

— Вы меня не узнаете? Я Симон Диманш. Год назад вы рекомендовали меня этой фирме. Я приехала и получила место.

— Нам надо встретиться. Вы расскажете мне все подробно. Не хотите ли пообедать со мной на этих днях? — предложил Сухово-Кобылин.

— У меня только один свободный вечер в неделю. Четверг. Как раз сегодня.

— Превосходно. Я приглашен сегодня на обед, но пошлю записку, что болен, и мы пообедаем вместе.

Впоследствии красавица француженка вскрыла голову молодому помещику, и однажды он сказал ей:

— Жениться на вас я не могу. Против этого были бы родные, а я от них завишу. Но хотите, — мы будем жить как муж и жена. Едемте ко мне в имение. Ну что вам здесь, в каком-то магазине, служащей! Чего вы добьетесь!

Симон Диманш принял предложение, и они уехали в деревню. Медовый месяц промелькнул. Француженка безумно влюбилась в своего русского друга, а молодой человек стал скучать, его потянуло в город. Они поселились в Москве. Охлаждение Сухово-Кобылина все нарастало, и Симон Диманш страшно ревновала его.

Дело, покоящееся в архивах старого сената, рассказывает следующую романтическую историю.

Сухово-Кобылин безуспешно ухаживал в ту зиму за одной московской аристократкой. В один из вечеров у нее был бал, на котором присутствовал и он. Проходя мимо окна, хозяйка дома заметила на противоположном тротуаре при свете костров, которые горели по тогдашнему обыкновению для кучеров, кутавшуюся в богатую шубу женщину, пристально смотревшую в окно. Дама узнала в ней Симон Диманш, сплетни о безумной ревности которой ходили тогда по Москве. Ей пришла в голову злая мысль. Она подзвала Сухо-

во-Кобылина к окну, отворила огромную форточку и поцеловала его, ничего не подозревавшего, на глазах у несчастной Симон.

В этот вечер, вернувшись, Сухово-Кобылин не нашел Симон дома... Глубокая ночь. Ее все нет. Встретившийся, Сухово-Кобылин поехал к обер-полицеймейстеру и заявил ему об исчезновении француженки.

Начались розыски. Искать долго, и наконец на Ходынском поле была найдена лежавшая среди сугробов с перерезанным горлом Симон Диманш. Драгоценные вещи, дорогая шуба из черной лисицы — все было цело. Что это? Самоубийство или убийство?

При обыске в доме Сухово-Кобылина в одной из комнат были обнаружены следы крови. Его и всю прислугу арестовали. Прислуга на все вопросы отвечала:

— Знать не знаем, ведать не ведаем. Барин поехал на бал на своих лошадях. Француженка спустя немного времени велела позвать себе извозчика и куда-то уехала. Больше мы ее не видели.

Неожиданно после долгого пребывания в полицейском участке прислуга изменила свои показания: она созналась в убийстве.

— Мы ненавидели француженку за жестокое обращение. Воспользовавшись, что барина не было дома, зарезали ее и отвезли тело на Ходынское поле, — показали крепостные.

Но им не совсем поварили.

Дело шло «о дворянине Сухово-Кобылине, обвиняемом в убийстве при посредстве своих крепостных находившейся с ним в противозаконной связи француженки Симон Диманш».

Сухово-Кобылин и его

крепостные сидели в тюрьме и были накануне каторги. Родные его продолжали хлопотать, и вот, наконец, после бесконечных мытарств сенат постановил «обратить дело к переследованию и постановлению новых решений, не стесняясь прежними». Было ясно, что Сухово-Кобылин не виноват.

Но почему же созналась крепостная прислуга? Следствие обнаружило, что сознание это было вынуждено в полицейском участке пытками. Как выяснилось, квартальный надзиратель кормил людей следами и не давал пить, подтягивал допрашиваемых на блоках к потолку, так что у несчастных плечевые кости выходили из суставов, и требовал: «Сознайтесь, что убили».

Крепостные и повторяли всем от страха «оговор на себя». Только на одно не шли эти несчастные, как ни пытал их квартальный, — «показать на барина». Они и под пыткой твердили: «Барин ни при чем».

Когда новое следствие раскрыло все это, был вынесен приговор: «Дворянина Сухово-Кобылина и его крепостных слуг, как невиновных, отпустить; дело о смерти француженки Симон Диманш предать воле божьей».

Сидя долгое время в тюрьме, Сухово-Кобылин разработал в драматической форме рассказ, ходивший в московском обществе, об известном тогда светском шулере, который добыл у ростовщика большую сумму под залог фальшивого брильянта. Получилась яркая бытовая комедия, одна из самых блестящих русских пьес. — «Свадьба Кречинского».

В. ШТРИКЕР.